



## Сергей Дурылин и «Литературное наследство»

© 2020, С.И. Панов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,  
Москва, Россия

**Аннотация:** В статье рассматривается история сотрудничества писателя, ученого, историка культуры С.Н. Дурылина (1886–1954) с академической серией «Литературное наследство», для которой он подготовил ряд крупных публикаций, в том числе исследование объемом 30 а.л. «Русские писатели у Гёте в Веймаре» (1932). Процесс редакционной работы, принципы сотрудничества «Литературного наследства» с авторами и подготовки материалов раскрываются в переписке Дурылина с редакцией, прежде всего с И.С. Зильберштейном. Приводятся сведения о неосуществленных их совместных проектах, в том числе серии пропагандистских научно-популярных изданий периода Великой отечественной войны, для которой Дурылин написал цикл работ о русских писателях XIX века, в частности, о славянофилах. На примере сотрудничества Дурылина с «Литературным наследством» обращается внимание на сложности адаптации деятелей дореволюционной культуры к условиям советской реальности 1930–1950-х годов.

**Ключевые слова:** С.Н. Дурылин; «Литературное наследство»; И.С. Зильберштейн; история советской науки; изучение культурного наследия; славянофилы; архивные материалы; переписка.

**Информация об авторе:** Сергей Игоревич Панов — кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия. ORCIDID: 0000-0002-7240-7219. E-mail: sergeipanov@mail.ru.

**Для цитирования:** Панов С.И. Сергей Дурылин и «Литературное наследство» // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 365–383. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-365-383>

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект «С.Н. Дурылин — историк литературы», № 18-012-00746).

Благодарю А.В. Геворкяна и М.А. Фролова за предоставление снимков ряда цитируемых писем.

Сотрудничество с «Литературным наследством» (далее: ЛН) и тесные дружественные отношения с вдохновителем издания и секретарем его редакции И.С. Зильберштейном — имели большое значение в судьбе С.Н. Дурылина, и в плане его эволюции в 1930-е годы в сторону «академической» историко-литературной науки, и для полноценной социализации в рядах советской творческой интеллигенции. Значимым было авторское участие Дурылина в ранних томах ЛН и для самой серии, особенно в годы ее становления.

В 1931 г. в Москве учреждаются две серии историко-литературных архивных изданий — журнал ЛН, сначала как орган РАПП и Коммунистической академии, и сборники «Звенья» под редакцией хлопотавшего об основании всесоюзного Литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. Обе серии были нацелены на документальные публикации из прошлого русской литературы, в обе редакции С.Н. Дурылин, переведенный осенью 1930 г. из томской ссылки на поселение под надзором ОГПУ в Киржач и вынужденный жить исключительно литературным трудом, отправил предложения своих материалов по русским писателям XIX века — Тютчеву, Гоголю, Гаршину, Вяземскому, которым недавно увлекся и еще в Томске написал большое исследование «Декабрист без декабря» (о занятиях Дурылина Вяземским и его окружением см.: [5]). В преддверии широко анонсированного в СССР векового «юбилея» смерти Гёте Дурылин в число своих возможных работ для ЛН и «Звеньев» включил и материалы по русским отношениям немецкого классика. Неповоротливая редакция «Звеньев»<sup>1</sup> не нашла возможности поместить его статью «Тютчев и Гёте»<sup>2</sup> в уже спланированный юбилейный сборник (т. II, 1933), а чуткий молодой редактор ЛН И.С. Зильберштейн отреагировал молниеносно и сделал главную ставку в тематическом «гётевском» томе (ЛН, т. 4-6) на обзорное исследование Дурылина.

<sup>1</sup> Ср. в письме Бонч-Бруевича к Дурылину уже в 1933 г.: «...не надо у меня справляться по поводу Ваших рукописей и корректур, потому что, как неоднократно я писал Вам, у нас в “Звеньях” установлен совершенно точный и строгий порядок, от которого мы никуда не отклоняемся. Работаем мы в определенном плане и потому читаем рукописи для ближайших книг <...> Я очень прошу Вас и Вашу супругу твердо знать, что за нашим аппаратом задержки не бывает» (РГБ. Ф. 369. Карт. 145. Ед. хр. 54. Л. 9). Здесь же в письмах 1931–1932 гг. об «опоздании» работы Дурылина о Гёте.

<sup>2</sup> Сам Дурылин так характеризовал эту до сих пор остающуюся неизданной работу: «Она заново пересматривает вопросы о литературном и жизненном знакомстве Тютчева с Гете. Первый решает положительно, второй, увы, отрицательно! В статье фундамент — для последнего решения — весь из неизданного материала. Немцы и русские исследователи доселе продолжают пересказывать легенду о личном знакомстве Тютчева с Гете. В моей статье легенде этой пришел конец» (РГБ. Ф. 369. Карт. 267. Ед. хр. 42. Л. 5).

На год напряженной работы по подготовке «гётевского» тома ЛН пришлось первая важная смена вех в истории этой серии — с крушением РАПП не только ослабло влияние редколлегии (Ипполит Ситковский, Л. Авербах, Ф. Раскольников) на дела издания и руководство им фактически полностью перешло в руки молодой редакции (к Зильберштейну вскоре присоединились как редакторы И.В. Сергиевский и С.А. Макашин), но и смягчились первоначальные боевые установки, а отвечавшие за их проведение в жизнь литературоведы из Комакадемии (С.С. Динамов, И.И. Анисимов, М.Б. Храпченко), выполнявшие роль внутренних рецензентов<sup>3</sup> и менторов, отошли на второй план. Одновременно эволюционировали и представления о желательном типе издания самого Зильберштейна. Если в течение 1931 г. он настойчиво повторял всем потенциальным авторам, что ЛН «журнал публикаций материалов, а не просто историко-литературный журнал. Поэтому мы даем в основном материалы, а уж в качестве приложения к ним идут вступительные статьи (обычно политически-заостренного характера) и послесловие-комментарий, трактующие обычно о судьбе литературного наследия данного автора»; и уверял, например, П.Н. Беркова, что предисловие к текстам Козьмы Пруткова вместо него — напишут Н. Бухарин и М. Кольцов<sup>4</sup>, то спустя год отношение к жанру научных статей изменилось. Политическая «заостренность» стала лишь желательным дополнением историко-культурной информативности. «Беспартийные спецы» из ленинградского Пушкинского Дома, московской ГАХН стали основными авторами ЛН, и даже самокритичные признания бывшего сенатора Я.Л. Барскова, что в комментариях к письмам Екатерины II Григорию Потемкину он вряд ли верно раскроет детали общественно-экономической формации России XVIII века, встречали снисходительное понимание Зильберштейна, хотя он в переписке с Гр. Гуковским и позволял себе доверительно аттестовать Барскова «старой калошей».

<sup>3</sup> Роль идеологических комиссаров при «беспартийных спецах» хорошо видна, например, в отзывах И. Анисимова на материалы по французской литературе для ЛН, т. 2: о публикации В. Дынник «Неизвестные страницы Анатоля Франса»: «Статья вообще скверная. <...> Вообще же дать автору указание — ограничиться информацией, на большее он не годится». Об обзоре М. Эйхенгольца (в начале 1920-х Анисимов учился у него в МГУ): «...надо воздержаться от “обобщений” <...> Я бы просто сократил их, автор не справится с переделкой — дать ему установку на “информационность” (что поделаешь, это лучше его “обобщений”). <...> Эйхенголец дает мешанскую, антиленинскую трактовку <...>. Это надо выправить во всей статье. Последнюю главку снять! Материал общается ужасно интересный! Указать надо автору, что Золя — художник, переходящий и в эпоху империализма!» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 6).

<sup>4</sup> РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4.

В такой ситуации с конца 1931 г. за девять месяцев собирается «строенная» книга ЛН (т. 4-6), посвященная Гёте, — огромный том открывают «заостренные» статьи А. Луначарского, Л. Авербаха, С. Динамова, в целом занявшие 75 страниц, а следующая тысяча отведена под обзоры, хроники, библиографические реестры, и лишь две публикации текстов из наследия сопровождаются краткими предисловиями Ипполита Ситковского, один обзор — введением Л. Каменева; основные авторы — формалисты и младоформалисты из Ленинграда и ГАХН. Почти половину тома (с. 81–504) занимает исследование ссыльно-поселенца С. Дурылина «Русские писатели у Гёте в Веймаре».

Если в Томске Дурылин пользовался хотя бы богатой университетской библиотекой (где и проштудировал тома переписки друзей Вяземского — В. Жуковского и А. Тургенева, комплекты «Русского архива» и проч.), то в Киржаче необходимыми книгами, выписками нужных документов, справками из старых журналов его снабжали друзья и коллеги (в том числе, ученики К. Пигарев, А. Сабуров), в основном — по почте, изредка приезжая из Москвы. Приезжал в Киржач с чемоданами книг и Зильберштейн, но главное — он смог организовать бесперебойные консультации столичных библиографов, заказывал из Германии, выпрашивал у ленинградцев отсутствовавшие в Ленинской библиотеке издания, усаживал машинистку за перепечатку нужных цитат — все это отправлялось в Киржач. В предисловии к своему исследованию Дурылин с благодарностью называет имена 22 человек, помогавших ему в работе.

В такой организации дела ярче всего проявился принципиальный подход Зильберштейна к работе, сформулированный им уже в сентябре 1931 г. в письме В. Бушу: «Я считал и считаю, что на литературоведческом фронте необходима консолидация распыленных до сих пор сил и что необходим самый тесный контакт среди исследователей, работающих в одной и той же области»<sup>5</sup>. Дурылин не был исключением, так же коллективно наводились справки и копировались тексты для работы В.М. Жирмунского «Гёте в русской поэзии», отдельные находки одного исследователя передавались в тематически более подходящую публикацию другого. Нередко это вызывало споры и возмущение, но Зильберштейн упорно гнул свою линию, убеждая, прося, порой и грозя разрывом отношений и даже судом (ЛН он позиционировал как дело государственной важности). Возмущение П.Н. Беркова: «Я слишком ценю себя, как научного

<sup>5</sup> РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 10.

работника, чтобы позволять трактовать себя в качестве поставщика материалов для Дурылиных, Жирмунских и пр.» — ничуть не смутило Зильберштейна: «Удивила меня, по правде говоря, Ваша открытка. Человек Вы все-таки злопамятный...»<sup>6</sup>, и совместная работа продолжилась. При этом следует подчеркнуть, что основную помощь авторам оказывала сама редакция ЛН. Так, основу следующей большой работы Дурылина в ЛН («Г-жа де Сталь и ее русские отношения»; т. 33-34, 1939) составили десятки писем, фрагменты документов и дневников, выявленные в архивах Зильберштейном и Макашиным и скопированные редакцией.

В процессе работы по Гёте между Дурылиным и Зильберштейном установились и очень теплые человеческие отношения, даже несколько удивительные при всей культурной, социальной разнице этих людей. В сентябре 1932 г. Дурылин делает важное признание:

...хочу написать два слова не о делах. А вот о чем: не помню, сказал ли я Вам при свидании или в письме самое главное, что хотел сказать? — Что для меня письменное общение с Вами и работа на расстоянии имели особое значение. Я сам не могу еще определить его точно, но это было какое-то переучение, перевооружение, сделанное на ходу, но вместе с тем — в самое время, тогда, когда нужно было сделать. Для меня это — целый сдвиг, высокая веха моей работы и жизни.

Я сам спрашиваю себя: почему я мог легко понимать Вас, не зная ранее, не видев никогда? И отвечаю теперь себе: оттого, что во мне самом давным-давно назрела способность по-новому видеть, по-иному понимать, иного хотеть, чем до сих пор виделось мне, понималось, хотелось. Вы очень устали, дорогой Илья Самойлович, и не надобно Вас ничем отрывать от Вашего отдыха, но мне захотелось сказать Вам, что та доля — большая доля, — большая доля Вашей усталости, которая падает на возню с моей работой и на заботу обо мне, — не пропала даром: я говорю не о своем «Гете», а о себе. Вы помогли мне многое усвоить из того, что давно было мне близко и нужно, но чего я не усваивал еще себе, потому что ни от кого не получал нужной для этого подмоги, дружеского вмешательства, критического толчка — и помогающей заботы. Все это дали мне Вы — и за это я Ваш всегдашний должник<sup>7</sup>.

<sup>6</sup> РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 37, 38.

<sup>7</sup> РГАЛИ. Фонд И.С. Зильберштейна (в обработке). Переписка Дурылина с Зильберштейном и другими редакторами ЛН частично не сохранилась, но все же в фондах РГАЛИ (прежде всего: Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 323, 633, 634, 650, 598 и др.)

Работа с ЛН и общение с Зильберштейном были важной ступенью на пути обретения Дурылиным нового социального статуса — «советского научного работника», с сопутствующей этому психологической перестройкой. Высокий культурный уровень ЛН стал в этом процессе своеобразным ободрением и «оправданием» для Дурылина, позволив ему избежать чувства полной «капитуляции» перед действительностью. Конечно, в сотрудничестве с ЛН, как и со «Звеньями» и другими редакциями, была для Дурылина и важная практическая сторона — не только жизненно необходимые гонорары, но и помощь в реабилитации. Зильберштейн хлопотал через Авербаха и Кольцова о разрешениях на краткие поездки Дурылина в Москву, а затем на право поселиться в столице, Бонч-Бруевич обращался по тем же вопросам к М. Калинин и Г. Ягоде; редакции снабжали Дурылина различными справками и удостоверениями, призванными облегчить его отношения с властями. Показательно, что как важное свидетельство благонадежности Дурылин осенью 1932 г. принес уполномоченному ОГПУ, у которого он обязан был регулярно отмечаться в Киржаче, гранки своей работы о Гёте в ЛН (столичное «советское» издание!). Но даже важнее для него во встрече с Зильберштейном было обретение твердой почвы для серьезной историко-культурной работы, причем, самого высокого уровня. Об этом он писал своему редактору в конце 1932 г.:

Дорогой Илья Самойлович!

Ваше письмо меня тронуло, не постыжусь сказать, до слез. В нем та *нужная, мужественная* сердечность, которая не имеет ничего общего с чувствительной слабостью, которую обычно принимают за сердечность. А без «сердца» — в жизни, в работе, в труде не проживешь. Нельзя иначе сказать о деле дорогом — как о деле любимом, а где любовь, там и сердце. У сердца же — только у него одного — есть дар: внимания, — и есть творческое внимание к человеку. Этим мы бедны в жизни; если б были мы им богаты, то, при нашей *воле*, при темпе жизни нашей, мы бы луну завоевали, трех шекспиров в год открыли в нашей молодежи!

Вы богаты этим творческим вниманием; это — дар; когда я вдумываюсь в деятельность таких прославленных «редакторов», каким был Карамзин в «Москов[ском] журнале» и «Вестнике Евро-

---

есть до 150 писем, в основном — 1930-х. Для довоенной истории ЛН это второй по объему из известных нам эпистоляриев (после переписки ЛН с Г.А. Гуковским). Далее письма цитируются по подлинникам РГАЛИ; основной корпус переписки готовится нами к публикации.

пы», Некрасов в «Современнике», я думаю, что они потому создали издания, делающие эпоху, что в высокой степени обладали этим даром. Чернышевский был бурсак, попovich, бука, — и увидеть в нем *Чернышевского* в нашем знании этой фамилии, можно было только при исключительном даре творческого внимания.

Я не люблю лести и не унижу ни Вас, ни себя ею, но скажу прямо, что, конечно, Вы вызвали меня к новой работе, к «Гете», к Пушкину, ко многим другим темам, — и как-то так охватили меня Вашим творческим вниманием, что я не только чувствую в себе живую потребность работать, но еще, по отношению к старым своим работам, вот что чувствую:

Я прежний пепел не тревожу, —  
Здесь был огонь, и вот остыл.  
Как змей, на сброшенную кожу  
Смотрю на то, чем прежде был<sup>8</sup>.

Я давно привык в Ваших работах видеть труд человека, любящего литературу, внимательного к ее тонким линиям, артериям и мускулам ее организма, — но в Вашей редакторской деятельности я с изумлением увидел нечто мною не виданное: какого-то садовника, садовода — страстного любителя, который растит чужие цветы, как свои, и захудавшее без внимания растение оживляет своей заботой, акклиматизирует для новой почвы, для которой, быть может, и создано было это растение, да само про это не знало.

Я понял разницу, какая есть между гербаризатором и садовником: те люди в редакциях, с к[оторы]ми мне приходилось работать, были гербаризаторы: отлично умели сушить приносимые им живые растения. Вы — садовник, Вы умеете растить, а не сушить! В этом величайшая разница.

И нет ничего удивительного, что я всем сердцем Вас полюбил — за эту способность любить, растить, холить, акклиматизировать. Ведь Магомет обещал пустить в рай каждого правоверного, кто вырастит хоть одно дерево на своем веку.

А Вы одно такое дерево — почти совсем засохшее — заставили расти и, худо ли, хорошо ли, принести даже плод.

Наши отношения сразу стали прямые, искренние и все на чистоту. Такими они и будут всегда.

Я ни на минуту не могу забыть Вашей помощи и доверия ко мне, которого Вы вовсе не знали, или, еще хуже того, могли знать не

---

<sup>8</sup> По памяти цитируется стихотворение В. Брюсова «У себя» (1901).

с настоящей стороны. Ведь биография моя путана и нелепа, но путал я себя, а не других; это единственное мое оправдание.

Я знаю, как Вам трудно.

Но труд Ваш прекрасен: достаточно просмотреть отпечатанные листы «Гете», чтобы увидеть, что это — событие: *такой* книги не было еще в русском литературоведении. Книга эта — останется навсегда; ее не минует — сочувствием или враждой, признанием или нападением — мировое, а не только русское гетеведение. Ее главное достоинство — в том, что это труд, плод труда: длительного, культурного, сложного, нового, поднимающего целину. Можно привести простое и бесспорное доказательство этому: не читая текста, посмотреть только а) рисунки и отдельно б) автографы. Я — не новичок в литературоведении, я многое множество раз обзирал наши лучшие музеи, знакомился с частными собраниями, сам собирал портреты русских писателей и *realia* их жизни и деятельности, — но должен сознаться, что — после просмотра первых листов Гете своих версток — я обогатил свое зрительное знакомство с русскими писателями: я не знал, не видал *таких* Карамзина, Жуковского, А. Тургенева, Вьельгорского, Перовского, каких увидал в *Вашей* галерее, — и *никто* их не видал. Просматривая же автографы, всякий заметит, что, если б даже в тексте книги всё было написано на ноль с минусом, все равно — она незаменима: она открывает такую *уйму* нового документального материала в области, исследованной вдоль и поперек, и вглубь на 100 сажень, какова область гетеаны, — такую *уйму* неизвестных дает текстов, что все это — не может не поражать. А ведь все эти выделенные мною 2 пункта — сплошь дело и заслуга *редактора*: авторы тут «с боку припёку». — Но я берегу все Ваши письма и записочки — и из них можно бы видеть, сколько «редакторского» сидит в «авторском», — и как хорошо сидит: без насилия, без малейшей нарочитости, — как усилия садовника цветут вместе с цветком, им выращенным. Книга — событие, это несомненно.

Нужно ли говорить, после всего сказанного, что Вы мне дороги и я искренно и навсегда привязан к Вам? А работать с Вами — моя мечта.

Сейчас иду пить чай; затем — с листами отпечатанными — иду туда, куда приходится ходить — раз в месяц. Авось, с Вашей легкой руки все будет хорошо, авось, мы увидимся в Москве...

Давайте руку на счастье! <...>

В предвоенные годы заметное участие Дурылин принял еще в «русско-французском» и лермонтовском томах ЛН, а также угово-



рил Зильберштейна напечатать автобиографические записки К. Леонтьева «Моя литературная судьба», которые получил у наследников автора и откомментировал (т. 22-24, 1935; в ходе подготовки этот том на редакционном жаргоне ЛН носил название «реакционный»). Однако целый ряд предложенных Дурылиным материалов (в частности, уже принятых и частично оплаченных для пушкинского тома 1934 г.) в печать не пошли. При этом его сотрудничество с Зильберштейном не ограничивалось проектами ЛН. Их обоюдный интерес к русской живописи, к изобразительному искусству чуть не привел к соавторству по крупной работе — Зильберштейн с Дурылиным заключили договор с издательством «Academia» на подготовку большого тома «Рисунки русских писателей», в котором должны были быть представлены 80 авторов XIX — начала XX вв. Но этот задуманный Зильберштейном проект не осуществился, как и его масштабные предприятия военного времени.

Буквально накануне войны в ЛН завершалась работа над лермонтовскими томами. Т. 43-44 прошел корректуры и 24 мая 1941 г. был подписан в печать. Уже набирались гранки т. 45-46, в том числе большой работы Дурылина «Врубель и Лермонтов» (сдана под расписку в ЛН 3 марта 1941). Зильберштейн в марте-апреле обсуждает с автором вставки в статью и качество иллюстраций, которые почти все тоже подобраны и отрегулированы. Война на семь лет задержала выход этого тома. Зильберштейн сразу же энергично включился в редакционно-издательские работы по подготовке агитационно-патриотической литературы, осваивая нишу «наследие русских классиков — фронту». И привлек к своим проектам Дурылина. Забегая вперед, скажем, что в итоге тематически актуальная книга Дурылина «Русские писатели в Отечественной войне 1812 года» (он работал над ней зимой 1942–1943 г.) вышла вне масштабных планов Зильберштейна<sup>9</sup>, который уже через неделю после начала войны составлял серию патриотических брошюр. В числе первых выпусков планировались и работы Дурылина, в частности, о Гоголе. О характере задуманного проекта говорит их переписка в первых числах июля 1941 г.

Дорогой Илья Самойлович!

Я прочел всё у Гоголя, что может приблизительно относиться к теме, — оказалось, что основная тема — украинская: статьи, по-

<sup>9</sup> Была издана в 1943 г. в «Советском писателе»; две книжечки Дурылина появились в серии «Великие русские люди» издательства «Молодая гвардия» — о М. Щепкине (1943) и М. Лермонтове (1944).

вести, письма дают материал для очерка об украинском казачестве и его оборонительных войнах, об его патриотизме, о сознании идеи родины и долга перед нею — сознании, выраженном в песнях; затем, небольшой материал есть о 1812 годе, — очень небольшой; затем, обширный материал о достоинстве, силах и возможностях русского народа. Но нужно помнить, что весь без исключения материал этот связан у Гоголя с его религиозным мировоззрением, и — борьбу военную он соединяет у украинцев с борьбой за веру. Вспомните «Тараса Бульбу».

Напишите или сообщите, на чем же остановиться? «Гоголь о народном героизме»? Это было бы точнее всего. Или: «Народ на защите родины» — по Гоголю?

Что касается добровольцев, то я просмотрел Гаршинские материалы (в частности, 3 том переписки). Можно бы дать на их основании очерк: «Писатель-доброволец». Описать побуждения идти на войну: ненавижу милитаризм, но иду на войну *вместе* со всем народом; описать поход; дружбу с солдатами; бесстрашие, героизм без позы и т.д. Это был бы любопытный очерк. В нем, кажется, есть много ценного вот с какой стороны: поведение мирного человека на войне, героизм текущего дня.

Я думаю, на это не потребовалось бы больше 1-1 ½ листов. Решайте, что нужнее.

Зильберштейн отвечал 7 июля 1941 г.:

Дорогой Сергей Николаевич!

Заголовок «Гоголь о народном героизме» безусловно удачен. В брошюре, которую мы надеемся получить от Вас обязательно на этой неделе, надо как-то объединить весь материал, о котором Вы говорите в своем письме. Брошюра должна иметь преимущественно цитатный характер; цитатный материал должен скрепляться публицистическим цементом. Главное, она должна носить максимально боевой, политически заостренный характер, должна быть агитационно-массовой в самом точном смысле этого слова. Что основная тема у Гоголя — украинская, не имеет, на мой взгляд, большого значения, т.е. не является никаким препятствием. Здесь надо сказать о братском родстве русского и украинского народов и о том, что борьба их была борьбой с общим врагом. Связанность этого материала с религиозным мирозерцанием Гоголя еще менее существенна. Если в «Тарасе Бульбе» он говорит о борьбе за веру, то надо показать здесь (конечно, в популярной форме), что вера

во многих национально-освободительных войнах выступала как категория политическая, как знак национального единства, основа национальной жизни народа. Вот и все принципиальные установки, которые могут наметить перед Вами. Что касается технической стороны дела, то, во-первых, не выходите за пределы 2-2,5 листов, а во-вторых, мобилизуйте весь свой писательский опыт и напишите брошюру действительно в молниеносном порядке, — промедления это дело не терпит. <...>

Однако оперативно запустить серию небольших книг и брошюр в печать не удалось, а осенью Зильберштейн уехал в эвакуацию (по линии Совета министров оформив вывоз своей личной художественной коллекции из Москвы вместе с ценностями госмузеев), 1942 год провёл в Ташкенте. Но он успел соблазнить Дурылина темами еще нескольких работ, в том числе — о славянофилах.

Статус славянофилов как «махровых реакционеров» в конце 1930-х начал понемногу подвергаться пересмотру — на волне общего культурно-идеологического поворота и реабилитации категории «национального» («великорусского»), закрепленной в годы войны. В 1940 г. в Институте истории прошла широкая дискуссия по докладу С.С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство. (Из истории русской общественной мысли середины XIX века)» (был напечатан в журнале «Историк-марксист». 1941. № 1), которая «выявила не только существовавшие среди ученых разногласия в понимании славянофильства, но и то, что такие крупные советские историки, как Н. Дружинин, М. Нечкина, Е. Мороховец, А. Шестаков, вместе с основным докладчиком, видели в ранних славянофилах не просто реакционеров, и только, а признавали наличие и весомую значительность в предреформенном славянофильстве прогрессивных для своего времени начал. Докладчик и большинство ораторов твердо отделяли раннее славянофильство от реакционной, господствовавшей в то время идеологии официальной народности» [1, с. 74].

Возможность заняться любимыми славянофилами<sup>10</sup> не могла не вдохновить Дурылина, и он продолжал работать над этой темой даже после краха «брошюрного» проекта и отъезда Зильберштейна. Когда же тот в начале 1943 г. вернулся и попытался на базе Гослитмузея реанимировать прежнюю идею в еще более широких формах, поручив Дурылину собирать материалы, писать статьи и редактировать

<sup>10</sup> О трактовке славянофилов в книге записей Дурылина «В своем углу» см., в частности: [4].

тексты чуть ли не по дюжине русских писателей, то именно цикл о славянофилах был подготовлен им к изданию в первую очередь. 14 октября 1943 г. Дурылин подвел промежуточный итог:

Дорогой Илья Самойлович!

Я не покладая рук работал, по Вашему желанию, над «Русскими писателями о немцах» и исполнил всю работу. Мною сданы Вам полностью — тексты и статьи — 1) Фонвизин, 2) Хомяков, 3) И. Киреевский, 4) К. Аксаков, 5) И. Аксаков, 6) Ю. Самарин, 7) Я. Полонский и 8) Лесков.

Я убедительно Вас прошу:

1) Дать мне расписку в получении от меня всей работы и о том, что она исполнена, как надо, и принята музеем.

2) Выписать 60% гонорара — и помочь их получить.

За эту утомительную работу я не получил доселе ни копейки.

Всю эту работу я предпринял исключительно по Вашей просьбе и ради этой просьбы ее сделал. Поэтому выручайте меня — оформляйте сдачу работы и получение денег.

Равно прошу об оплате машинистки. <...>

К концу октября 1943 г. Дурылин отредактировал и дополнил также материалы и по другим авторам. Но предприятие вновь замерло, хотя собранные рукописи Зильберштейн уже передал на окончательную редактуру своему коллеге по ЛН И.В. Сергиевскому, отозванному с фронта в Москву для научно-литературной работы. В отличие от Зильберштейна, Сергиевский не благоволил Дурылину, еще с тех пор, как работал с его публикациями для «гётевского» и «пушкинского» томов ЛН в 1932–1932 гг.; и на этот раз отзыв его был строгим:

Илья, возвращаю Лескова, Киреевского и Константина Аксакова. Лесков любопытен (как видите, я вовсе не «свожу счетов» с Дурылиным, и когда у него получается интересно, не отрицаю этого), но несколько выпадает из общего плана сборника: смахивает скорее на журнальную статью. В частности — по размерам. Очень много места занимает рассказ о судебном «деле» Лескова. В то же время, сокращать — обидно: эпизод никому неизвестный, цветистый. Если все же решите снимать этот материал, можно будет сделать это за 5 минут, совершенно механически. <...> Отрывки о Суворове <...> я бы не стал давать: не играют. Да и еще есть причины, по которым лучше снять их.

Из Киреевского — хорошие тексты; в вступительной заметке много лишнего, я ее сократил; в таком виде — пойдет.

Константин Аксаков совсем слаб. Специфически антинемецкого у него *ничего* нет, а «патриотика» его слишком уж в густо-славянофильские тона окрашена, чтобы давать ее. Я начал было купировать, но бросил, увидев, что если так снимать, то не останется ничего: все на одном уровне. Право, снимем его: это ведь не Пушкин, отсутствие которого в сборнике было бы неприлично, и которого по необходимости приходится, поэтому, строить на боковом (обще-патриотическом, а не специально-антинемецком) материале из-за отсутствия иного.

В понедельник сдам Ивана Аксакова и, надеюсь, Брюсова. Это будет все. Не худо было бы, если бы ГЛМ учинил какой-то расчет со мной, хотя бы частичный. Получил я за это дело (не считая полученного за *авторскую* работу) всего 300 рублей <...>, а дело — грязное и мешкотное.

Выпуск сводного большого «патриотического» тома (по выражению Дурылина, «наше литературное предприятие против немцев»), объединявшего пару десятков русских писателей XIX — начала XX вв., тоже сорвался. Очерки Дурылина о славянофилах так и остались не напечатанными (их тексты, к сожалению, в его архивном фонде в РГАЛИ сохранились не полностью), а в них он — при всем необходимом упрощении трактовок и «советизации» — старался сместить акцент с социальных аспектов (демократизм народолюбия, антикрепостничество и т.п.) на нравственные и духовные; в характеристике социальных и философских воззрений славянофилов показать, что у них «не только душа, но и мысль — христианка» [2, с. 735]. Например, из очерка о Хомякове:

...«правами народа», не подлежащими отчуждению со стороны государства, Хомяков и ранние славянофилы, прежде всего, признавали свободу совести и веры и свободу мысли и слова (устного и печатного).

Для Хомякова «свобода в положительном проявлении силы есть воля», а «из всемирных законов волящего разума или разумеющей воли (ибо таково определение самого духа) первым, высшим, совершеннейшим является неискаженной душе закон любви».

Этот «закон любви» — для Хомякова — являлся верховным основным законом, как в области мышления философского и богословского, так и в сфере отношений историко-социальных.

Вот почему, человек православно-верующий, Хомяков стоял за свободу вероисповеданий и подвергал такой суровой критике официальные формы православной церковности, что ни одно богословское сочинение Хомякова не могло быть, при его жизни, напечатано в России, а напечатанный за границей, уже после его смерти, том богословских его сочинений, был запрещен русской цензурой. Вот почему, сторонник и проповедник совершенно определенного общественно-политического мировоззрения, как будто бы смежного с официальной догмой «православия, самодержавия и народности», Хомяков был сторонником самой широкой свободы слова, а сам, подвергаясь постоянному преследованию цензуры и администрации, вплоть до запрещения не только печатать что-либо из своих сочинений, но даже *читать*, был последовательным и непримиримым критиком господствующих форм русской государственности, видя в них полнейшее нарушение «закона любви», который Хомяков почитал внутренним законом жизни, признаваемым русским народом и славянством<sup>11</sup>.

Сразу после войны Зильберштейн загорелся продвижением новых проектов из области культурного наследия — сериальных изданий «Художественное наследие» и «Театральное наследие». Первая серия стартовал в 1948–1949 гг. двухтомником «Репин» под общей редакцией акад. И.Э. Грабаря (Зильберштейн — один из авторов, сосоставитель и редактор издания). Готовились тома по Федотову (к 1950 г. был в целом собран), Брюллову, Левитану, но проект остановился (см. материалы в статье Т.Л. Латыповой: [3, с. 137–162]). «Театральному наследие» не суждено было и стартовать — первый том планировалось посвятить теме «Балет пушкинской поры», его составителем и основным автором выступал ленинградец Ю.И. Слонимский, в оживленной переписке с которым Зильберштейн обсуждал состав, композицию тома<sup>12</sup>. Напряженная работа в течение полутора лет (1945–1946) завершилась полным разрывом отношений: измученный все новыми и новыми требованиями сокращений, переделок, замены авторов, раздраженный отсутствием договора с четкими гарантиями и сроками, Слонимский направил Зильберштейну «письмо-приговор», в котором обвинил его в диктаторстве и самодурстве. Его,

<sup>11</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 16. Статьи Дурьлина о славянофилах сохранили исторический интерес и подготовлены нами к отдельной публикации.

<sup>12</sup> РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 6. Ед. хр. 182.

в частности, не устраивало, что уже после подробного обсуждения состава тома Зильберштейн хотел вносить существенные коррективы, апеллируя к мнению московских специалистов. Скорее всего, одним из них был и Дурылин, с которым Зильберштейн обсуждал возможное издание весной 1946 г. и 1 апреля послал развернутый план книги, прося высказать соображения и замечания. Насколько позволяют судить документы, о других предполагаемых «театральных» томах с Дурылиным переговоров не велось — вероятно, споткнувшись на балете, Зильберштейн всецело переключился на «художественную» серию, на дорогого ему Репина и гораздо более близких, чем театральный мир, живописцев.

Одновременно завершился наконец набор второй лермонтовской книги ЛН (т. 45-46), в которой печаталось еще довоенное исследование Дурылина «Врубель и Лермонтов» — последняя его публикация в ЛН и последний крупный гонорар (прося не задерживать гранки, Зильберштейн кокетливо писал: «Скажите Ирине Алексеевне <Комиссаровой, жене Дурылина>, что Вы можете получить солидную сумму денег за врубелевскую статью. Пусть она зайдет ко мне» (1 апреля 1946)).

Закончилось общение Дурылина с ЛН и Зильберштейном не на приятной ноте. Последним проектом ЛН, участие в котором Дурылин активно обсуждалось и реально планировалось, был большой «сборный» том 58 «Пушкин. Лермонтов. Гоголь» (1952). Собирался он во многом «по сусекам», после напряженной планомерной работы над томами, посвященными Некрасову и Белинскому (оба — в формате трехтомников), ради подготовки которых пришлось пропустить пушкинский юбилей 1949 года, передвинув срок к 100-летию памяти Гоголя. Складывающееся разнообразие тем и жанров давало возможность предложить в том самый разнородный материал. Зильберштейн так и писал Дурылину, не конкретизируя своих пожеланий: «Не дадите ли Вы нам что-либо для этого сборного тома? Вы хорошо знаете, как я люблю Ваши писания. Буду счастлив еще раз сотрудничать с Вами» (2 июля 1951). Дурылин откликнулся с энтузиазмом и предложил несколько своих многострадальных статей, так нигде и не напечатанных в 1930-е («Гоголь — чичероне по Риму», «Неизданное стихотворение П.А. Вяземского», «Лермонтов и декабрист Одоевский», «Современница Пушкина» — расширенная версия статьи о Е. Кульман), варианты мелких документальных публикаций, а главное — большую работу «Семья Гоголя в письмах к Аксаковым». Представляя ее на суд Зильберштейна и Макашина, он писал 19 июля 1951:

Дорогие Илья Самойлович и Сергей Александрович!

Посылаю Вам мою работу «Семья Гоголя в письмах к Аксаковым». Не знаю, кто из Вас будет читать эту мою работу, и потому пишу к Вам обоим несколько слов о характере и задачах этой работы. Она состоит из вступительной статьи, писем семьи Гоголя к Аксаковым и моих примечаний к каждому из этих писем. Моей задачей было показать старосветскую семейную и помещичью среду Гоголя и указать, с одной стороны, на родство Гоголя с этой средой, а с другой стороны, показать и его ненависть к обывателям-«существователям» из этой среды. Моя статья и мои примечания имеют целью — главную целью — так осветить предлагаемый эпистолярный материал, чтобы стало ясно: Гоголь-художник воспользовался «старосветским» материалом своей семьи и окружающих помещиков для изображения своих «Шпонек, Коробочек» и т.д. и проявил в этих изображениях свою ненависть к «существователям» и «небокоптителем». Но и сам Гоголь не мог до конца разорвать свою связь с этими «существователями», к числу которых принадлежали и его сестры. Между письмами Гоголя к сестрам, о которых постоянно идет речь в письмах его сестер к Аксаковым, и «Перепиской с друзьями» есть крепкая связь, на которую ни один исследователь еще не обратил внимания: многие реакционные рецепты морального и социального врачевания, которые возбуждали такую ненависть Белинского к «Переписке», Гоголь-моралист пытался применить к захолустной Васильевке, к своему дому и сестрам. Значительная часть писем сестер и матери написана уже после его смерти, но эти письма также существенны для биографии Гоголя: в них сестры вспоминают о брате, ярко обнаруживают свой психический склад, и социальный строй, с которым тщетно пытался бороться Гоголь, и вместе с тем эти письма обнаруживают впервые ту борьбу за литературное наследие Гоголя и за его биографию, которая возгорелась тотчас же после его смерти.

В моих глазах, моя работа представляет законченное целое, смысл которого я попытался определить в этих строках моего письма (вступительная статья раскрывает этот смысл и значение писем с большей подробностью). <...>

Впрочем, как всегда в моей давней работе с Вами, вполне полагаюсь на Ваше дружеское внимание к автору и на огромную Вашу опытность в этом деле. В 1952 году исполняется 100 лет со дня смерти Гоголя, и моя работа будет вполне своевременна.

Крепко жму Ваши руки. Искренно, дружески преданный

С.Н. ДУРЫЛИН.



Предложенные Дурылиным статьи и мелкие публикации редакции не подошли, около-декабристские материалы его попросили скопить на перспективу: к особому тематическому тому (первоначально в томе 58 планировался четвертый раздел — «Рылеев», вскоре разросшийся в трехтомник «Декабристы-литераторы»), а отказ от большой работы по письмам матери и сестер Гоголя к Аксаковым Зильберштейн объяснил именно ее самодостаточной фундаментальностью: «Вы ошибаетесь, считая, что мы делаем *специальный* том, посвященный Гоголю. Он займет у нас лишь треть тома, а другие две трети займут Пушкин и Лермонтов. Если бы у нас был специальный том, посвященный Гоголю, то мы напечатали бы Вашу работу о Гоголе и его старосветских сестрах. Но верьте мне, что в той подборке по Гоголю, которую мы печатаем, эта статья, несмотря на ее несомненный интерес, будет выглядеть случайной. Нет ли у Вас еще чего-либо по Гоголю?» (25 июля 1951). Дурылин в это время работал над двумя большими книгами о Гоголе — обобщающим исследованием о его творчестве и монографией «Гоголь и театр», начальные главы которой были уже готовы. Но он не стал предлагать их фрагменты Зильберштейну — вероятно, почувствовав, что былой симпатии со стороны ЛН к его взглядам и оценкам уже не существует. Действительно, не до конца высказанное в личных письмах отношение было прямо заявлено во вступительной заметке И. Сергиевского к подборке «Гоголь в неизданной переписке современников» (составленной Л. Ланским и в машинописи отрецензированной-проредактированной по просьбе Зильберштейна Дурылиным, что в издании никак не отмечено); тут по поводу Аксаковых заявлялось: «Буржуазно-либеральная историография прошлого сделала достаточно много для того, чтобы разукрасить светлыми, идиллическими красками историю многолетней дружбы Гоголя с этой семьей и чтобы замолчать все то вредное для Гоголя, что несли в себе эта дружба (сказанное относится, в частности, к исследованию С.Н. Дурылина “Гоголь и Аксаковы” <...>, 1934). Советской историко-литературной наукой кое-что сделано уже для пересмотра этой идиллической схемы — надо продолжить начатую работу» (ЛН, т. 58, с. 539).

Упорное, с компромиссами, в чем-то с преодолением самого себя, вхождение Дурылина в «советскую историко-литературную науку» оказалось относительным: докторская степень и орден Трудового Красного Знамени (1949) не гарантировали от того, чтобы «не оправдавший» доверия как «работник аппарата ЦК ВКП(б)» [6, с. 117] и изгнанный с вершин в Академию Наук СССР тов. Сергиевский не разоблачил его как буржуазного либерала, — на страницах ЛН, гранки которого в 1933 году Дурылин предъявлял сотруднику ОГПУ в Киржаче как свою охранныю грамоту.

## Список литературы

1. *Дмитриев С.* Подход должен быть конкретно-исторический // Вопросы литературы. 1969. № 12. С. 73–84.
2. *Дурылин С.Н.* В своем углу / сост. и примеч. В.Н. Тороповой, предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с. (Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21).
3. И.С. Зильберштейн. Штрихи к портрету. К 100-летию со дня рождения / сост. Н.Б. Волкова и др. М.: Наука, 2006. 518 с.
4. *Мотеюнайте И.В.* Государственная служба славянофилов и литературное служение демократов: концепция С. Н. Дурылина // Чины и музы: Сборник статей / отв. ред. С. Н. Гуськов. Санкт-Петербург; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 41–54.
5. *Панов С.И.* Неизданная статья С.Н. Дурылина о стихотворении П.А. Вяземского «Орфографическое замечание» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 321–354.
6. *Тименчик Роман.* Rhinoségos. Ненапечатанная статья И. Сергиевского об Ахматовой // Замечательное шестидесятилетие. Ко дню рождения Андрея Немзера. [М.:] Издательские решения, 2017. Т. 2. С. 96–119.

*Статья поступила в редакцию:* 18.09.2020  
*Одобрена после рецензирования:* 15.10.2020  
*Дата публикации:* 25.12.2020

Research Article

## Sergey Durylin and “Literary Heritage”

© 2020. Sergey I. Panov

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,  
 Moscow, Russia

**Abstract:** The paper considers the cooperation between S.N. Durylin (1886–1954), a scholar, writer, cultural historian, and the academic book series “Literary Heritage”. Durylin prepared several big publications for the series, among them a fundamental research “Russian Writers Visiting Goethe in Weimar” (1932; 30 academic sheets). The process of editing, as well as the principles of editorial work with authors and materials characteristic of “Literary Heritage” are uncovered in Durylin’s correspondence with the editorial staff, in particular with I.S. Zil’bershtein. The paper provides information on their joint projects that remained unrealized, for example on the series of propagandistic popular educational books that “Literary Heritage” tried to launch during the Great Patriotic (Soviet-German) war: Durylin prepared for this series several works dedicated to the XIXth century Russian writers, including Slavophiles. Durylin’s experience in “Literary Heritage” attracts attention

to the difficulties pre-revolutionary intellectuals were facing with in the process of accommodation to the Soviet reality in 1930s-1950s.

**Keywords:** S.N. Durylin; “Literary Heritage”; I.S. Zil'bershtein; history of Soviet scholarship; study of cultural heritage; Slavophiles; archival materials; correspondence.

**Information about the author:** Sergey I. Panov, PhD, senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaia street, Moscow, Russia, 121069. ORCID ID: 0000-0002-7240-7219. E-mail: sergeipanov@mail.ru.

**For citation:** Panov S.I. “Sergei Durylin and “Literary Heritage.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 365–383. (In Russ.)  
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-365-383>

**Acknowledgements:** The publication was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no 18-012-00746, “Sergei Nikolaevich Durylin — a historian of literature».

Special thanks go to A.V. Gevorkian and M.V. Frolov for supplying me with photographs of several cited letters.

## References

1. Dmitriev S. Podhod dolzhen byt' konkretno-istoricheskii [The Approach Must Be Concrete and Historical]. *Voprosy Literatury*, 1969, no 12, pp. 73–84. (In Russ.)
2. Durylin S.N. *V svoem uglu* [In One's Own Corner], ed. by V.N. Toropova, introd. by G.E. Pomerantseva. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 879 p. (In Russ.)
3. I.S. Zil'bershtein. *Shtrikhi k portretu. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia* [I.S. Zil'bershtein Birth Centenary. Touches to the Portrait], ed. by N.B. Volkov et al. Moscow, Nauka Publ., 2006. 518 p. (In Russ.)
4. Moteiunaite I.V. Gosudarstvennaia sluzhba slavianofilov i literaturnoe sluzhenie demokratov: kontseptsiiia S.N. Durylina [State Service of the Slavophiles and Literary Service of the Democrats: S.N. Durylin's Concept]. *Chiny i muzy: Sbornik statei* [Ranks and Muses: A Collection of Critical Essays], ed. by S.N. Gus'kov. Saint-Petersburg; Tver', Marina Batasova Publ., 2017, pp. 41–54. (In Russ.)
5. Panov S.I. Neizdannaiia stat'ia S.N. Durylina o stikhotvorenii P.A. Viazemskogo “Orfograficheskoe zamechanie” [S.N. Durylin's Unpublished Article about P.A. Vyazemsky's Poem “A Remark on Orthography”]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no 10, pp. 321–354. (In Russ.)
6. Timenchik Roman. Rhinocéros. Nenapechatannaia stat'ia I. Sergievskogo ob Akhmatovoi [Rhinocéros. Unpublished I. Sergievskii's Article on Akhmatova]. *Zamechatel'noe shestidesiatiletie. Ko dniu rozhdeniia Andreia Nemzera* [Remarkable Sixtieth Anniversary. On the Occasion of Andrei Nemzer's Birthday]. Moscow, Izdatel'skie resheniia publ., 2017, vol. 2, pp. 96–119. (In Russ.)

*The article was submitted:* 18.09.2020

*Approved after reviewing:* 15.10.2020

*Date of publication:* 25.12.2020